

К 100-летию
со дня рождения
Александра Блока

ПУТЬ
СРЕДИ
РЕВОЛЮЦИЙ

Александр Александровичу Блоку было суждено завершить своим творчеством великую эпоху русской поэзии — эпоху Пушкина, Лермонтова, Некрасова, Тютчева и стать вместе с Горьким и Маяковским у истоков новой литературы. Не прост и не легок был путь Блока, приведший его от мистической замкнутости к народу, Родине, Октябрьской революции. «Путь среди революций; верный путь», — сказал о своей судьбе поэт. Три тома лирики Блока — поэтический дневник жизни русского человека на рубеже двух эпох, его поэмы, театр, проза раскрывают перед нами круг мыслей и чувств одного из искреннейших певцов России. В конечном счете все, что писал Блок, — о России. Поэт сам точно охарактеризовал свою задачу в письме К. С. Станиславскому 9 декабря 1908 года: «...Стоит передо мной моя тема, тема о России... Этой теме я сознательно и бесспорно посвящаю жизнь. Все ярче сознаю, что это — первейший вопрос, самый жизненный, самый реальный. К нему то я подхожу давно, с начала своей сознательной жизни, и знаю, что путь мой в основном своем устремлении — как стрела, прямой, как стрела, действительный. Может быть, только не отточена моя стрела. Несмотря на все мои уклонения, падения, сомнения, покаяния — я иду...»

Блок прожил короткую жизнь — всего сорок лет, но творческий мир его с поистине необычайной яркостью, глубиной и искренностью отразил сложнейшие годы в судьбе его Родины. Действительно, рубеж двух веков, первая русская революция, мрачное

безвременье между революциями, наконец, Великий Октябрь, музыку которого так чутко уловил поэт, создав гениальную поэму «Двенадцать» — вот этапы его судьбы. И понять мир и творчество Блока можно лишь в неразделимой связи с жизнью России в тревожное время, когда создавал он свои произведения.

Рожденные в года глухие
Пути не помнят своего.
Мы — дети страшных лет
России —
Забудь не в силах ничего.
Испепеляющие годы!
Безумья ль в вас, надежды
ль весть?
От дней войны, от дней
свободы —
Кровавый отсвет в лицах
есть.

Александр Александрович Блок родился 16(28) ноября 1880 года. Его мать, дочь ректора Петербургского университета, известного русского ученого-ботаника А. Н. Бекетова Александра Андреевна, писательница и переводчица, разошлась с мужем А. Л. Блоком, еще до рождения сына. Семья, воспитавшая поэта, дала России немало замечательных людей. Были среди них литераторы, землепроходцы, просветители, ученые. Не случайно в написанной в 1915 году автобиографии так много внимания уделяет он Бекетовым: «Здесь именно любил и понимал слово; в семье господствовали, в общем, старинные понятия о литературных ценностях и идеалах».

Поэт любил Шахматово, подмосковное имение Бекетовых. Эта земля — родина поэзии Блока. В Шахматове Блок узнал и полюбил Россию, к которой обратил прощальные строки. Об-

езжая близкие и дальние его окрестности, Блок узнавал жизнь русского крестьянства, и та чуткость поэта к народной душе, которая явственно проявилась после революции, рождалась здесь, среди полей и лесов Подмосковья. Шахматово стало для него символом России, здесь рождалась мелодия его стихов. Не раз говорил он, что хотел бы жить и умереть в Шахматово, незадолго перед смертью записал в дневнике, что снилось Шахматово, и вспоминал его в стихах:

...леса, поляны,
И проселки, и шоссе,
Наша русская дорога,
Наши русские туманы,
Наши щелесты в овсе...

В семи километрах от Шахматова, на высоком, господствующем над окрестностью холме, в доме, похожем на замок жила девушка, которой суждено было стать женой поэта — Любовь Дмитриевна, дочь великого русского ученого Д. И. Менделеева. К ней обращены стихи Блока, составившие его первую книгу «Стихи о Прекрасной Даме».

Блока считают обычно петербургским поэтом, Петербург, Петроград он называл своим городом, и тема Петербурга в его творчестве занимает место не меньшее, чем у Пушкина. Но первое признание, как поэт, Блок получил в Москве. Здесь образовался небольшой кружок ценителей его поэзии, стихи переписывались, читались в Московском университете, стали ходить по рукам. Молва о поэзии Блока предшествовала появлению его произведений в печати.

А в мире уже слышались звуки близящихся катастроф. И чуткая душа поэта точно

улавливала изменения, которыми была насыщена духовная атмосфера преддверия первой русской революции. Ощущение исторических перемен, которых с таким нетерпением ждал Блок в революционный 1905 год, породило в его творчестве новые темы. В его поэзии послышался язык улицы, мелодии городских окраин, зашумела жизнь повседневная.

Мечтательным певцом романтической «Прекрасной Дамы» все чаще владеют глубокие раздумья о судьбах Родины — ее прошлом, настоящем и будущем. В знаменитом цикле «На поле Куликовом» лирический герой Блока — русский воин, от имени которого написаны все стихи, — одержим беспредельной любовью к Отечеству, верен своему гражданскому долгу, весь устремлен в будущее: «И вечный бой! Покой нам только снится сквозь кровь и пыль...»

Впоследствии патристический пафос этого произведения получит дальнейшее развитие, обретет свою вершину в «Скифах», большом стихотворении, написанном уже после революции, после «Двенадцати».

Да, Блок многие проблемы толковал субъективно, но ему, «милостью божией поэту» по словам М. Горького, и «человеку бесстрашной искренности», было суждено ставить кардинальные вопросы развития России. А для себя поэт выбрал единственно возможный путь — «приобщение к народной душе и занятие общественной деятельностью». В письме ближайшему другу Е. П. Иванову в 1908 году Блок высказывает сокровенную мысль: «...может быть, главное... — растет передо мною понятие «гражданин», и я начинаю понимать, как освободительно и целебно это понятие, когда начинаешь открывать его в собственной душе». Стремление к действительности, идея «служения» обществу пронизывает творчество великого поэта. В поэме «Соловьиный сад», написанной в 1915 году, он воспевает жизнь как деяние, как постоянный труд вместе со всеми людьми на общее благо.

Логика развития личности и творчества Блока привела его к восторженному принятию Октябрьской революции, к утверждению, высказанному в ответе на анкету «Может ли интеллигенция работать с большевиками?». «Может и обязана», — заявил Блок. Он действительно включился в строительство новой культуры — активно участвует в развитии народного просвещения, в становлении революционного театра. В статье «Интеллигенция и революция», рассуждая о новой эпохе, Блок утверждал,

что великие художники русские — Пушкин, Гоголь, Толстой, Достоевский — всегда верили в свет. «Каждый из них, как весь народ, выносивший их под сердцем, скрежетал зубами во мраке, отчаянье, часто злобе. Но они знали, что рано или поздно все будет по-новому, потому что жизнь прекрасна».

Строительство новой жизни, новой культуры Блок тесно связывал с участием художника в политической борьбе. В былые годы он старался отмежеваться от политики, теперь же в дневнике записывает: «Быть вне политики... С какой же это стати? Это значит — бояться политики... прятаться от нее, замыкаться в эстетизм, в индивидуализм...» Свое отношение к искусству в революционную эпоху Блок ясно выразил словами: искусство в наши дни ведет непосредственно к практике, к делу.

Тема революции вылилась в творчестве поэта в самую значительную и вдохновенную его поэму «Двенадцать». Сам Блок, далеко не склонный к самовосхвалению, говорил, что «Двенадцать» — это лучшее, что он когда-либо написал. В поэме Блок воспринимает революцию сквозь порывистую, захлестывающую вьюгу, порхающий снег, морозную темную ночь.

Из снега, из темного провала улиц появляются двенадцать героев поэмы. Они очерчены очень общо, чрезвычайно условно. Их действие заключается лишь в том, что они «идут», но они именно идут, идут твердо и уверенно «державным шагом», как все примечательный дозор. Это идут бойцы революции:

Кругом — огни, огни, огни...
Оплечь — ружейные
ремни...
Революционный держите
шаг!
Неугомонный не дремлет
враг!

Это представители нового общества, сейчас они вершат судьбу мира. Поэт распахивает свою душу навстречу ослепительному студеному ветру, навстречу революционной вьюге, сметающей все на своем пути. За силуэтами красногвардейцев он видит новую жизнь, это уже не туманная «очарованная даль», а конкретный мир, преображенный революцией.

Для Блока революция — это и мировой пожар, и неясная метельная мгла, но уже тесно сливается лирика поэта с бронзовой музыкой революции.

Поэмой «Двенадцать» великий русский поэт освятил революцию, в которой был не зрителем, а активным участником.

В. ЕНИШЕРЛОВ.
Кандидат филологических наук.

«Принявший мир, как звонкий дар»

В разные годы моей литературной работы я обращался к высокому имени — Александр Блок. Обращался не только потому, что его творчество — одна из блистательных страниц русской и мировой поэзии. Александр Блок — своими стихами, статьями, письмами, дневниками, своей бесстрашной честностью учил меня жить, принимать этот мир, в который я пришел, эту жизнь, которая выпала на мою долю, как звонкий дар, не взирая на то, что в ней бывают не только удачи.

Обо всем этом я пытался говорить стихами. Вот некоторые из этих стихов.

Песня Сольвейг

Сольвейг! Ты прибежала на лыжах ко мне...
А. БЛОК.
Ты, как Сольвейг, бежала на лыжах ко мне между сосен, тяжелых от мокрого снега. Ты кричала, и слышалось мне — о весне, что вот-вот упадет первой капелькой с неба. Как ждала ты меня! Как ты долго ждала! Дни в туманы ушли и в дожди, и в сугробы. Жизнь бросала тебя, закусив удила, но была ты сильнее надеждою робкой. Ты прошла сквозь слова,

что бывали грубы, и сквозь взгляды, что были открыты и жадны. Телеграфные тонко звенели столбы по ночам, что тебя одинокою жалко. Только есть в ожидании тайная власть: покорилась тебе километры и годы. Для тебя этот снежный и солнечный вальс по заказу лукавой февральской погоды. Не хочу ничего в своей жизни менять. Дай мне нежность свою, предвесеннее солнце! Ты, как Сольвейг, на лыжах встречаешь меня. И плывут над тобой неподвижные сосны.

Александр Блок

И снова — о судьбе поэта. От славы и тоски уйдя, стоять всю ночь у парапета в плену бетона и дождя. Стоять, вдыхая воздух мокрый, и думать, что еще не раз у дна за обнаженной крошкой ловить обрывки темных фраз

домов, людей, цветов, трамваев... И по бетону глухоты идти, на миг приоткрывая, зачем же ты и кто же ты? И вдруг понять совсем простое, встречая над Невой рассвет, что обожженным Красотою покоя не было и нет.

В буран

Белоснежной не было зим...
А. БЛОК.
А снег в лицо. И ветер. Ветер. И трудно, трудно каблучкам.

Но как же дерзок, как он светел, их вызов ночи и снегам! Сжимая белую округность, пресует воздух темнота. А ты идешь по ночи вьюжной, самозабвенно и чиста. Вот ты уже почти хрустальна, вся белая — на каблучках. И все до вымысла реально, как в снежных блоковских стихах.

Письмо в детство

И невозможное возможно...
А. БЛОК.
Какая ты сейчас? Как все, наверное, короткою прической щеголяешь. И современность запросто «модерном», с подружками болтая, называешь. Все это так. И все-таки, и все-таки тебя я вижу той — в поселке Тоника, где мы с тобой под сонными высокими узнали столько и забыли столько. Да, ты была тогда совсем другою: по-детски доброй и по-детски властной.

И пахли, пахли волосы тайгою — смолою желтой и брусничной красной. Ночь ниспадала спелыми зарницами, непроходимой темнотой таежною. Как ждали мы, что небо загорится! Как верили: возможно невозможное! Не виделась. Почти всю жизнь не виделась. И к той тебе не выплыть и не выгрести. Но, как билетик лотерейный, вытяну любой из дней, и ты в нем — главный выигрыш.

Поэзия

Ухожу неотпущенным, не успев досказать, снова, снова — за Пушкиным и за Блоком опять. Тьма дождливая, липкая за немдым окном... Жизнь, спасибо великое, что я с ними знаком! Ах, стихи, что мы делаем! Как их делаем мы!.. Снова хохоты белые огодтелой зимы. Но идет, как по лезвию, сквозь веков забытые уязвимость Поэзии и всеильность ее!
Борис СОКОЛОВ.